

УДК 94(470.324):323.11

doi 10.17072/2219-3111-2017-4-101-108

УКРАИНИЗАЦИЯ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ В 1923–1932 ГОДАХ**С. Н. Коротун**

Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, 394064, Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54 «А»
Korotun83n@mail.ru

Украинцы составляли в 1920–1930-е гг. более 30% населения Воронежского края. Политика коренизации, проводимая большевиками, предполагала перевод работы администрации, суда, учреждений образования на родной для доминирующего населения язык. В Воронежском крае реализовывался вариант коренизации – украинизация. Исследователи сходятся в оценке итогов украинизации как неудачной, но расходятся в определении причины неудачи. Одни говорят о пассивности местного населения, другие – о срыве украинизации по вине местных и центральных чиновников. В статье на основе анализа событий украинизации в регионе предпринята попытка разрешить данное противоречие. Украинизация в регионе проходила в три этапа. На первом этапе (1923–1925 гг.) результаты были нулевыми. Местные власти докладывали о нежелании местного населения осуществлять данный процесс. Власти Украины, ссылаясь на плохо организованный процесс украинизации региона, потребовали передать ей южную его часть. В 1925 г. центральные власти отказали в этом, но процесс украинизации в регионе активизировался. Судя по документам, местные власти достигли этого за счет частичного отказа от учета мнения местного населения. К 1928 г. удалось добиться украинизации сотен школ, однако в сфере управления и суда успехи были крайне незначительны. В этом году по причине новых территориальных претензий Украины власти воронежского региона переходят к форсированной украинизации, полностью отрицая мнение местного населения. В 1932 г. украинизация прекращается. Делается вывод о том, что украинизацию поддерживала незначительная часть местного населения, а сам процесс протекал лишь благодаря давлению со стороны властей УССР.

Ключевые слова: украинизация, коренизация, национальная политика, национальные меньшинства, воронежский край.

Украинизация как процесс в национальной политике молодого Советского государства на протяжении последних лет находится в сфере пристального внимания как отечественных, так и украинских исследователей. В современном политическом контексте представление об этом процессе оказывается противоречивым, требующим дополнительного анализа.

По сути украинизация являлась вариантом коренизации, задачи которой были озвучены И.В. Сталиным на X съезде РКП (б). Речь шла о развитии государственности, соответствующей национальному облику народов, о переводе работы администрации, суда, органов хозяйства и власти, школ и культурных учреждений на местный язык [Борисенко, 2006, с. 69]. Реализация этого процесса на территории Украины, а также в других республиках, где украинцы составляли компактно проживающее большинство населения, и получила название «украинизация».

В ходе достаточно активного изучения проблемы на основе большого объема архивных источников появились две фактически полярные точки зрения на украинизацию как в СССР в целом, так и в Воронежском регионе в частности. С первой точки зрения украинизация предстает как искусственная мера, навязываемая населению сверху и потому оцениваемая большинством «украинизируемого» населения негативно. Эта концепция применительно к Воронежскому краю отражена в работах Е.И. Борисенко [Борисенко, 2006, 2015]. Со второй точки зрения украинизация выглядит вполне подготовленным объективными факторами процессом, соответствующим пожеланиям местного населения, но не осуществленным в полной мере из-за сопротивления русского чиновничества на всех уровнях. Данный подход нашел воплощение прежде всего в работах украинских исследователей, а применительно к Воронежскому краю – в публикациях и диссертационной работе К.С. Дроздова [Дроздов, 2010а, 2010б]. Использование не вызывающих сомнения источников позволило сменить, как метко выразились Т. Хлынина и И. Васильев, «войну документов» «войной интерпретаций» [Хлынина, Васильев, 2012, с.202–203].

Для более детального анализа процесса, на наш взгляд, необходимо выделить четыре актора, специфика и позиция каждого из которых на том или ином этапе украинизации имеет принципиальное значение для характеристики явления в целом.

1. *Украинизируемое население.* По материалам переписи населения 1920 г. украинское население в Воронежской губернии насчитывало 1 070 411 жителей и составляло более 33% населения. Украинцы преобладали на юге губернии, в Острогожском, Богучарском, Россошанском уездах [Коротун, 2012 с.69]. Именно эти территории стали полигоном украинизации в Воронежском крае. Образование, делопроизводство, культурно-просветительская работа здесь подлежали переводу на украинский язык. Позицию этого актора можно охарактеризовать как пассивную. Сама идея коренизации заключалась в перспективе взаимодействия населения на его родном языке, что должно было облегчить и распространение коммунистических идей, сделать новый политический режим привлекательней. Однако в случае с украинским языком все было не так просто. В результате сложных миграционных и культурно-исторических процессов в Воронежской губернии, как на Кубани и юго-востоке Украины, население разговаривало на диалекте, значительно отличавшемся от литературного украинского языка. Для его обозначения часто применяют термин «суржик». Как указывает В.З. Акопян, вокруг диалекта даже развернулась научная дискуссия: считать ли его местным диалектом или украинским языком. В зависимости от интересов каждая сторона отстаивала свою точку зрения [Акопян, 2015, с.51–52]. Как бы то ни было, различие «суржика» и литературного украинского языка означало, что облегчения и упрощения жизни для местного населения при смене языка не произойдет. Порою введение нового языка вызывало куда большие затруднения. В своих работах Е.И. Борисенко показывает, что для украинцев РСФСР, как и для жителей юго-востока Украины, новый язык вызывал трудности, а вместе с ними и отторжение [Борисенко, 2015, с 139–140]. Отчасти с этим соглашается и К.С. Дроздов: «...В какой-то мере национальный вопрос здесь был искусственно раздут... население Воронежской и Курской губерний не считало себя украинцами, они называли себя «хохлами», «перевертнями», но никак не украинцами» [Дроздов, 2010а, с. 174]. Причем он делает противоположный вывод: «Нет сомнения, что украинизация в Центральном Черноземье была вызвана объективной потребностью в разрешении обострившихся русско-украинских противоречий, возникших на почве перспектив дальнейшего национально-культурного развития местного украинского населения» [Дроздов, 2010б, с.47]. В то же время К.С. Дроздов, ссылаясь на украинских исследователей и архивные материалы, приводит интересный факт. В 1920-е гг. «украинским населением губерний Центрального Черноземья были направлены сотни писем, в которых выражалась надежда на то, что уезды, в которых большинство населения составляют украинцы, перейдут в состав Советской Украины» [Дроздов, 2010а, с. 109–110]. Вопрос о соотношении двух приведенных точек зрения – это, как было указано, вопрос интерпретации источников. Он может быть рассмотрен только с учетом анализа результатов других акторов украинизации.

2. *Правительство РСФСР, центральная власть.* Для центральной власти украинизация была сложным процессом. С одной стороны, его реализация определялась идеологическими установками, в том числе требованием равенства для всех наций. С другой стороны, украинизация была орудием внешней политики, призванным завоевать симпатии украинцев в соседних странах: Польше, Венгрии, Румынии. Однако в контексте украинизации на территории РСФСР, в частности, в Воронежском крае, наиболее принципиальным видится следующий момент. В условиях борьбы за власть, а она развернулась в тот же период, украинские большевики были одной из крупнейших партийных организаций. И тут исследователи единодушны: на протяжении 20-х гг. И.В. Сталин использовал украинские элиты в борьбе со своими оппонентами, в обмен на их лояльность он старался идти навстречу в вопросах украинизации. Это объясняет во многом осторожную позицию третейского судьи в определении взаимоотношений двух других акторов указанного процесса: *украинских властей* и *местных чиновников губернского и уездного уровня.*

3. *Лидеры КП(б)У.* Во многих исследованиях по украинизации регионов не учитывается этот фактор, к ним можно отнести и работу К.С. Дроздова [Дроздов, 2010а]. Вместе с тем действия лидеров часто напрямую связаны с процессом украинизации в Воронежском крае. Именно проверки, инициированные Наркомпросом Украины, оказывали прямое воздействие на рост темпов украинизации в регионе. Не менее важны, на наш взгляд, постоянные претензии лидеров

КП(б)У на территории РСФСР, заселенные украинцами. Центральные власти СССР в вопросе территории оставались тверды, но во всем прочем стояли на стороне КП(б)У.

4. *Местные чиновники.* Их роль в процессе украинизации видится нам несколько преувеличенной. По сути, они оказались между молотом и наковальней. Их возможности были сильно ограничены. Осуществить украинизацию миллиона жителей, не имея средств, кадров, реальной поддержки населения, было задачей титанической, а в условиях аморфного отношения к проблеме объекта украинизации – неразрешимой. Следует отметить, что украинизацию начинали проводить в годы восстановления страны после Гражданской войны, а завершали в годы коллективизации и индустриализации. Понятно, что местная власть никогда не воспринимала украинизацию задачей первостепенной, жизненно важной (хотя из политических соображений иногда с этим и соглашалась), однако под давлением центральных властей вынуждена была предпринимать попытки её решения.

Исходя из соотношения четырех этих акторов, попробуем реконструировать события украинизации Воронежского края.

Началом украинизации края приятно считать 1923 г. Накануне XII съезда партии, в феврале Агитпроп ЦК РКП (б) выяснил мнение губкомов губерний, имеющих значительный процент украинского населения, о перспективе украинизации. На основе материалов опросов за несколько дней до открытия XII съезда РКП(б) заведующий Центральным украинским бюро Совета национальных меньшинств В.А. Гадзинский направил делегату съезда от КП(б)У и члену ЦИК СССР Н.А. Скрыпнику докладную записку о школьной и просветительной работе среди украинцев в РСФСР, где отмечалось, что местные власти к идее украинизации отнеслись отрицательно. В частности, Воронежский губком сообщил: «Организация украинской секции совершенно нецелесообразна» [Дроздов, 2010а, с.79–81]. Съезд провозгласил курс на коренизацию, а сам Скрыпник обрушился на местные власти с критикой за пассивность в деле украинизации, обвинив их в великодержавном шовинизме.

Оценивая первые результаты украинизации в Воронежском крае, Дроздов вполне логично приходит к выводу о том, что спустя два года они были, по сути, нулевыми [Дроздов, 2010а, с.88]. Действительно, в 1924/25 учебном году на украинский язык было переведено только 27 школ. Преподавание на украинском велось, как правило, только в первой группе (ГАВО. Ф. Р.1. Оп.1. Д. 1566. Л.156). О низкой эффективности украинизации в регионе свидетельствуют проверки в 1925 г. украинским бюро Совнацмена [Дроздов, 2010а, с.113, 125–126].

Однако для определения промежуточных итогов украинизации необходимо учитывать два фактора. Во-первых, работа по украинизации, пусть и в крайне небольших объемах, велась. Поэтому возможны были два варианта развития событий. По одному варианту они развивались в Острогожском уезде, где украинизация изначально была признана нецелесообразной. В июне 1923 г. президиум Острогожского уездного комитета РКП (б) постановил «поручить АПО непосредственным выяснением на местах собрать сведения об отношении украинского населения уезда к введению национального языка, школы». Опрашивали жителей «наиболее украинских волостей – Колыбельской, Каменской и Матрено-Гезевской», не изъявивших сочувствия украинизации. Объяснялось «это тем, что в уезде нет чистых украинцев, книг и газет в уезде не украинском языке никто не читает. Ни одна Харьковская газета не выписывается. Учителей украинцев нет ... Украинские школы, как опыт, были открыты в некоторых пунктах прежнего Острогожского уезда, но не привились и население в них совершенно не заинтересовано». Как подчеркивалось в конце документа, «на украинизацию у населения взгляд вообще отрицательный». После таких необнадёживающих сведений Президиум уездного комитета на своих заседаниях в июле и сентябре 1923 г. принял решения отказаться от украинизации (ГАОПИВО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 108. Л. 68, 108, 110, 130). Аналогичные сведения, содержащиеся в материалах ГАРФ, приводит И. Борисенко [Борисенко, 2006, с.142].

По другому варианту события развивались в Россоши, население которой все-таки решили украинизировать, переведя на обучение на украинском языке десять школ. Правда, уже летом 1924 г., через год обучения, две школы по решению сходов гражданского населения были переведены на обучение на русском языке. Что касается оставшихся школ, то уездный комитет настоятельно требовал пересмотреть решение об их украинизации. Как оказалось, украинизация привлекла население тем, что учебу предполагалось вести по новым бесплатным учебникам. Но

когда началось обучение, выяснилось, что население не понимает языка новых учебников. Уездный отдел образования вынужден был признать, что учиться по таким учебникам «население не хочет», а учителя «в этом вопросе инертны, чем подрывают идею [украинизации]» (ГАОПИ ВО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 44, Л. 170–171).

С начала 1923 г. украинские власти предложили пересмотреть границы РСФСР, желая получить значительную часть Воронежской, Курской и Брянской губерний [Борисенко, 2006, с. 100]. В 1924 г. для определения границ была создана специальная комиссия, в которой и развернулась острая дискуссия между представителями двух республик.

Обосновывая претензии Украины, крупный украинский историк Д.И. Багалей указывал, что «часть уездов Воронежской и Курской губерний явились продуктом смешанной украинско-великорусской колонизации с очевидно преобладающим количественно украинским этнографическим элементом» [Борисенко, 2006, с.102]. Кроме того, подчеркивалось экономическое, бытовое единство этой территории Курской и Воронежской губерний со Слободянской и Харьковщиной. М.С. Грушевский указал на то, что юг Воронежской губернии был заселен в результате мощной колонизации украинцами Подонья, рек Тихая Сосна, Острогосца. Он требовал «справедливости» – передачи этих земель Украине [Борисенко, 2006, с.101–103].

Воронежские чиновники с претензиями не соглашались, указывали на чересполосицу населения, которая не позволяла производить территориальное деление по этническому принципу.

Именно в разгар этой дискуссии, в апреле–августе 1925 г., и были проведены проверки украинизации Воронежского края. В это же время в ВУЦИК и правительство УССР украинским населением губерний Центрального Черноземья были направлены сотни писем, в которых выражалась надежда на то, что уезды, в которых большинство населения составляют украинцы, перейдут в состав Советской Украины. В апреле 1925 г. зампреда Совнацмена И.Давыдов сообщил о поступающих из Воронежской губернии коллективных требованиях об организации украинских школ [Дроздов, 2010а, с. 109].

Таким образом, архивные документы позволяют говорить, с одной стороны, о пассивном неприятии украинизации, с другой – об активной ее поддержке. Несомненно, содержание и тех и других документов определяется позицией тех органов власти, результатом делопроизводства которых эти документы являются.

Постановление ЦИК СССР от 16 октября 1925 г. о передаче Украине Троицкой и части Уразовской волости Валуйского уезда Воронежской губернии не удовлетворило власти УССР. Вопрос оставался открытым [Борисенко, 2006, с.104]. На фоне дискуссии о необходимости передачи части территории Воронежской губернии и сообщений о низких темпах украинизации в ней явно превентивной выглядела следующая мера. Накануне упомянутого октябряского решения, 5 сентября 1925 г., президиум Воронежского губисполкома постановил: «взять твердый курс на украинизацию, на осуществление работы в области просвещения украинцев на родном языке» (ГАВО. Ф. Р.1. Оп.1. Д. 2097. Л. 58).

Следующие три года стали временем быстрой украинизации образования в Воронежской губернии. Именно в образовании наиболее успешно происходил этот процесс, и не только в Воронежском крае, но и в РСФСР. Губернским уполномоченным по делам национальных меньшинств стал глава губернского отдела народного образования (ГубОНО) А.Я. Щепотьев [Коротун, 2012, с. 76]. Его стараниями к 1928 г. удалось украинизировать 413 школ первой ступени (ГАОПИВО. Ф.1. Оп.1. Д. 2213. Л. 7). Всего к 1926 г. предполагалось украинизировать 725 школ (ГАВО. Ф. Р.1. Оп.1. Д. 2097). Циркулярные письма, рассылаемые в уезды А.Я. Щепотьевым, также иллюстрируют положение дел на местах.

В 1925 г. А.В. Щепотьев достаточно четко определяет основные причины неприятия населением украинизации образования в регионе:

«1. Полное отрицание украинского языка как самостоятельного, как неправильного говора русского языка. Благодаря вековой русификации и малокультурности у него сложилось пренебрежительное отношение к собственному языку.

2. Отсутствие у населения перспективы национальной школы. Население не видело перспективы в создании украинских школ ввиду оторванности их от жизни. Школ 2-ой ступени и средних учебных заведений с украинским языком не было, делопроизводство велось на русском языке.

3. Неясности в отнесении групп населения к той или иной национальности...

<...> Наблюдаются случаи, – резюмировал глава ГубОНО, – когда на местах без предварительной подготовки проводят голосование, желает ли население иметь свою школу на украинском языке. Население вследствие упомянутых причин естественно голосует за русский язык» (ГАВО. Ф. Р.1. Оп.1. Д. 2097.Л. 204).

В циркулярном письме УОНО, разосланного в октябре 1925 г., подчеркивалось, что «необходимо избегать выяснения воли населения путем голосования», а при подготовке перехода «разъяснительная кампания среди украинского населения о необходимости просветительской работы на украинском языке должна проводиться умело, лицами владеющими местным говором, при такой постановке дела, голосование окажется излишним» (ГАВО. Ф. Р.1. Оп.1. Д. 2097. Л. 192). При определении факторов украинизации эти мысли Щепотьева важны. Местный чиновник не оправдывается перед центральной властью, ссылаясь на пассивность местного населения. Напротив, Щепотьев ищет способы ускорения украинизации в регионе и находит их в отказе от согласования действий с выяснением общественного мнения. На наш взгляд, это свидетельствует о реальности пассивного сопротивления населения украинизации. Еще более показательно то, что при наличии подобных циркуляров в архивных документах 1925–1928 гг. продолжают встречаться решения сельских сходов об отказе от украинизации (ГАВО. Ф.751. Д. 836. Оп. 1. Л. 91–106).

Ярким примером ограниченности возможностей украинизации является отсутствие учителей, владеющих тем языком, который предполагалось внедрять в школы. Опрос учителей, проведенный в декабре 1927 г. давал печальную картину. Опрашивались учителя, работавшие в украинских школах, а также те, кому предстояло преподавать в украинской школе с 1928 г. Из 434 учителей 102 заявили о знании литературного украинского, в то время как 202 уже вели преподавание на украинском языке. Эти данные позволяют говорить о формальном характере перевода обучения на украинский язык даже в начальной школе (ГАВО. Ф. Р.1. Оп.1. Д. 1224. Л.1–175). Положение с учителями, преподающими на украинском языке, иллюстрирует высказывание инспектора ГубОНО по национальной работе М.В. Костева: «Учет педагогических работников произведен, но верить в то, что все работники знают украинский язык ни в коем случае нельзя, так как сведения получались УНО при помощи опроса» (ГАОПИ ВО. Ф.1. Оп.1. Д.1664. Л. 33).

Ради достижения нужных показателей украинизации А.Я. Щепотьевым принимались и волонтаристские меры. В соответствии с секретным (!) циркуляром от 27 октября 1927 г. для выполнения плана по украинизации новые школы должны были открываться только в украинских поселениях. Если урок проходил одновременно в двух группах, в которых были представлены русские и украинцы, то языком преподавания должен был быть украинский (ГАВО. Ф. Р.496. Оп.1. Д. 292. Л. 68–69).

В области образования процесс украинизации был более успешным, чем в административной. В последней в 1927 г. все по-прежнему происходило на уровне эксперимента: на данный год планировалось украинизировать аппарат управления лишь в трех волостях [Дроздов, 2010а, с. 131]. И все же по прошествии трех лет, казалось, можно было говорить о значительном сдвиге в деле украинизации. Даже за такими темпами не успевали курсы переподготовки специалистов, типографии и пр. В сентябре 1928 г. президиум губисполкома постановил: «Работу в области украинизации культурно-просветительских учреждений в 1925–1927 гг. признать недостаточной» (ГАВО. Ф. Р.1. Оп.1. Д. 2218. Л. 163). Темпы украинизации вновь следовало увеличить.

В чем причина такого решения? На наш взгляд, воспроизводилась ситуация 1925 г. В 1927–1928 гг. вопрос о принадлежности территорий Воронежского края УССР был поднят вновь. Особенно остро он встал в период определения границ Центрально-Черноземной области.

В марте 1928 г. по инициативе Н.А. Скрыпника вновь начались проверки положения украинцев в РСФСР, на основе которых уже в мае 1928 г. Политбюро ЦК КП(б)У вновь поставило вопрос о границе между УССР и РСФСР, вновь заявило о претензии на часть Воронежской губернии. Украинские власти заговорили о «грубом извращении национальной политики партии по отношению к украинскому населению Воронежской и Курской губерний» [Борисенко, 2015, с.78]. Нарком просвещения Украины Н.А. Скрыпник указывал, что украинизация там якобы не проводилась. В Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской

области сохранились документы, отражающие аргументацию украинской стороны. По сути, они полностью дублируют аргументы 1924–1925 гг. (ГАОПИ ВО. Ф.1. Оп.1. Д.1664. Л.43–44).

Судьба этих районов волновала и украинскую интеллигенцию. 12 февраля 1929 г. на встрече И.В. Сталина с украинскими писателями ему был задан вопрос о судьбе территорий. Генсек ответил, что решено ничего не менять [Борисенок, 2006, с.79]. Как и в предыдущий раз, моральный ущерб от отсутствия территориальных уступок компенсировали новыми мероприятиями в деле украинизации региона. Буквально через несколько дней после встречи этот процесс в Воронежском крае вышел на новый виток. 20 февраля обком ВКП (б) новой Центрально-Черноземной области заявил о начале сплошной украинизации. Это означало полную украинизацию двадцати районов Россошанского и Острогожского округов, речь шла о территории с 1,7 млн населения. Сплошной украинизации здесь подлежало 364 сельских совета, частичной – еще 107. В течение двух лет необходимо было перевести на украинский язык управление, судопроизводство и образование во всех населенных пунктах, теперь уже независимо от воли населения.

Форсированная украинизация во многом похожа на все форсированные мероприятия советской власти: проводилась без учета мнения местного населения и в кратчайшие сроки. Показателен следующий пример: к 1930 г. было украинизировано 950 школ вместо 888 подлежащих украинизации. Таким образом облоно отчиталось о перевыполнении плана (ГАВО. Ф.Р. 516. Оп.1. Д. 61. Л. 47–51). В начале 1932 г. инспектор отдела национальностей ВЦИК З.С. Островский заявил: «Сравнивая нынешнее состояние работы среди нацменьшинств в ЦЧО с тем, что я застал здесь в декабре 1927 г., когда я впервые приехал сюда для обследования бывшей Воронежской и Курской губерний, я должен с радостью констатировать наличие огромного сдвига. То, что мы имеем на сегодняшний день в ЦЧО по линии обслуживания нацменьшинств, свидетельствует о том, что руководящие органы вашей области правильно оценили значение этой проблемы и много сделали для ее разрешения...» (ГАВО. Ф. Р. 1439. Оп. 5. Д. 322. Л. 8).

Однако на мартовском областном съезде нацменьшинств в 1932 г. были и тревожные заявления. Охват украинизацией судов и администраций представлялся недостаточным, обеспеченность учащихся учебниками не превышала 50 %. Инспектор отдела нацменьшинств ВЦИКа З.С. Островский в целом оценил украинизацию как недопустимо медленную (ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 5. Д. 322. Л. 179–180).

24 ноября 1932 г. Н.А. Скрыпник опубликовал статью «Украинский национальный вопрос в ЦЧО и Казахстане» в газете «Пролетарская Правда». Он вновь писал о нерешенности украинского вопроса в ЦЧО, что, по его мнению, являлось выражением великодержавного шовинизма. Украинцы в ЦЧО угнетались «социально и национально» [Борисенок, 2015, с. 80].

Казалось, процесс украинизации мог с подачи украинских лидеров при поддержке центра выйти на новый уровень. Но этого не последовало. В стране установился режим единоличной власти Сталина, фактор поддержки национальных элит уже не имел для него прежнего значения, напротив, подобные выступления могли «играть на руку тем буржуазно-националистическим элементам, которые будучи изгнаны из Украины проникают во вновь украинизированные районы и ведут там разлагающую работу». 15 декабря СНК СССР рекомендовал приостановить дальнейшую украинизацию [Борисенок, 2015, с. 80].

21 декабря 1932 г. вышло постановление облисполкома ЦЧО о прекращении украинизации, после чего последовала незамедлительная реакция всех учреждений, в первую очередь областного уровня. Например, появилось распоряжение № 59 от 26 декабря 1932 г. по облсуду, облпрокуратуре и облуправлению исправительно-трудовыми учреждениями: «В связи с постановлением Обкома ВКП (б) и Облика ЦЧО от 21.12.1932г. по решению ЦК ВКП (б) и СНК от 15.12.1932г. и предложением отдела нацменьшинств от 22.12.1932г. №7-054 приказываем: прекратить все мероприятия по украинизации аппарата и по обслуживанию населения на украинском языке в районах, ранее намеченных к полной или частичной украинизации. ... С сего числа прекратить выплату работникам украинцам каких либо надбавок за работу на украинском языке» (ГАВО. Ф.Р-1439. Оп.4. Д. 387. Л. 285).

Как видим, украинизация в Воронежском крае с начала 1923 г. до неожиданного завершения (1932 г.) прошла три этапа. Условно в этом периоде можно выделить два рубежа – 1925 и 1928 гг., которые делят весь отрезок на три трехлетних. Все качественные изменения в деле украинизации происходили при активном участии элит УССР до того момента, как центральная власть

инициативы по форсированию данного процесса поддерживать перестала. И местное население, и местные органы власти были в этом эксперименте пассивными акторами, способность которых влиять на рассмотренный процесс была очень мала, особенно на последнем его этапе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Государственный архив Воронежской области (ГАВО) Ф. Р.1. Оп.1. Д. 1224. Л. 1–175; Д. 1566. Л. 156; Д. 2097. Л. 58, 192, 204; Д. 2218. Л. 163; Ф. Р.496. Оп.1. Д. 292. Л. 68–69; Ф.Р. 516. Оп.1. Д. 61. Л. 47–51; Ф.Р.751. Оп.1. Д. 836. Л. 91–106; Ф.Р.1439. Оп. 4. Д. 387. Л. 285; Оп.5. Д. 322. Л. 8, 178–180.

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф.1. Оп.1. Д. 1664. Л. 33, 43–44; Д. 2213. Л. 7; Ф. 86. Оп. 1. Д. 108. Л. 68, 108, 110, 130; Ф. 105. Оп. 1. Д.44. Л. 170–171.

Библиографический список

Акопян В.З. Политика украинизации на Ставрополье в 1920–1930 гг.: Замыслы, осуществление, итоги // Известия Саратовского университета. Нов.сер. Сер.: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 2. С.48–56.

Борисенок Е.Ю. «Когда такой вопрос ставится, начинают рычать...» // Родина. 2015. № 1. С. 77–80.

Борисенок Е.Ю. Феномен советской украинизации 1920–1930 гг. М.: Европа, 2006. 256 с.

Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в центральном черноземье (1923–1933 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010а. 265 с.

Дроздов К.С. Украинизация в центральном черноземье РСФСР в 1923–1928 гг. // The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928. 2010б. Vol. 4. P.43–69.

Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А. Национальные меньшинства Воронежского края в 1917–1941 гг. Воронеж: Изд-во Воронежс. гос. пед. ун-та, 2012. 328 с.

Хлынина Т., Васильев И. Украинизация как политика и проблема современной историографии // Історіографічні дослідження в Україні. 2012. Вип. 22. С. 201–214.

Дата поступления рукописи в редакцию 26.04.2017

UKRAINIZATION OF THE VORONEZH REGION IN 1923–1932

S. N. Korotun

The Air Force Academy, Starykh Bol'shevikov str., 54A, 394064, Voronezh, Russia
Korotun83n@mail.ru

In the 1920s and 1930s, Ukrainians constituted more than 30 percent of population of the Voronezh region. The corenization policy conducted by the Bolsheviks included the transfer of administration, courts and educational institutions to the language that was native for the dominant population of the region. Ukrainization was an option of corenization implemented in the Voronezh region. The existing studies converge in the evaluation of the results of Ukrainization which are evaluated as unsuccessful, but the researchers diverge speaking of the reasons of the failure. Some researchers state about the passivity of the local population, the others insist that the disruption of Ukrainianization is the guilt of the local and central authorities. In the study, the author focuses on resolving this contradiction based on the analysis of ukrainization. Ukrainization was organized in three stages in the region. In 1923–1925, the results were zero and the local authorities reported the reluctance of the local population to implement the process. The Government of Ukraine announced the weak position of the Voronezh Region in the process of Ukrainization and required the transfer of its southern part to the Ukrainian SSR. In 1925, their request was denied by the central government, but the process of Ukrainization in the region was intensified. The documents demonstrate that the local authorities had achieved higher growth rates due to the partial refusal to evaluate the opinion of the local population. By 1928, the hundreds of schools have been ukrainized; however, progress in the sphere of management and trial was extremely insignificant. This year, due to new territorial claims of Ukraine, the government of the Voronezh region forced the process of Ukrainization and completely refused to take into account the opinion of the local population, but in 1932, Ukrainization was stopped. The author concludes that the support of Ukrainization by the local population was insignificant, and Ukrainization was carried only by pressure from the USSR government.

Key words: Ukrainization, corenization, national policy, national minorities, Voronezh region.

References

- Akopyan, V. Z. (2015), “The policy of Ukrainization in the Stavropol Region in 1920–1930: Concepts, implementation, results”, *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya*, № 15 (2), pp. 48–56.
- Borisenok, E. Ju. (2015), “When such a question is posed, they begin to growl”, *Rodina*, № 1, pp. 77–80.
- Borisenok, E. Yu. (2006), *Fenomen sovetskoy ukrainizatsii 1920–1930 gg.* [The phenomenon of Soviet Ukrainization in 1920–1930], Izdatel'stvo «Evropa», Moscow, Russia, 256 s.
- Drozdov, K. S. (2010), *Gosudarstvennoe regulirovanie russko-ukrainskih natsional'nyh otnosheniy v tsentral'nom chernozem'e (1923–1933 gg.)* [State Regulation of Russian–Ukrainian National Relations in the Central Chernozem Region (1923–1933)], PhD dissertation, Moscow State University, Moscow, Russia, 265 s.
- Drozdov, K. S. (2010), “Ukrainization in the Central Chernozem Region of RSFSR in 1923–1928”, in *The NEP Era: Soviet Russia, 1921–1928*, California, USA, vol. 4, pp. 43–69.
- Korotun, S. N., Tolkacheva S.P., Shevchenko, E.A. (2012), *Natsional'nye men'shinstva voronezhskogo kraya v 1917–1941 gg.* [National minorities of the Voronezh region in 1917–1941], Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, Voronezh, Russia, 328 s.
- Hlynina, T., Vasil'ev, I. (2012), “Ukrainization as a policy and the problem of modern historiography”, *Istoriografichni doslidzhennya v Ukraini*, № 22, pp. 201–214.